

УДК 82-94
ББК 84(4Вел)

DOI: 10.31862/1819-463X-2024-5-40-46

ОБРАЗ АВТОРА В МЕМУАРАХ ЛОУРЕНСА АРАВИЙСКОГО «СЕМЬ СТОЛПОВ МУДРОСТИ»

М. И. Никола, И. А. Кузьмин

Аннотация. Статья посвящена анализу различных ипостасей, в которых автор предстал в книге. В материале статьи обозначаются истоки этого образа, его характер и динамика развития в повествовании. Авторы статьи выделяют основные черты образа, демонстрируя их проявление в тексте мемуаров. Кроме того, в статье уделяется внимание развитию представленного в книге образа Лоуренса после выхода его книги мемуаров, описываются причины и процесс мифологизации личности Лоуренса Аравийского в мировом культурном сознании, устанавливается роль в этом процессе его книги «Семь столпов мудрости».

Ключевые слова: Семь столпов мудрости, Лоуренс Аравийский, Арабское восстание, образ автора, автомиф, военные мемуары.

Для цитирования: Никола М. И., Кузьмин И. А. Образ автора в мемуарах Лоуренса Аравийского «Семь столпов мудрости» // Наука и школа. 2024. № 5. С. 40–46. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-5-40-46.

THE IMAGE OF THE AUTHOR IN LAWRENCE OF ARABIA'S MEMOIRS "SEVEN PILLARS OF WISDOM"

М. I. Nikola, I. A. Kuzmin

Abstract. The article is devoted to the various images in which the author appeared in the book. The material outlines the origins of this image, its character and the dynamics of development in the narrative. The authors of the article name the main features of the image, demonstrating their manifestation in the text of the memoirs. In addition, the article focuses

© Никола М. И., Кузьмин И. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

on the development of the image of Lawrence presented in the book after the publication of his book of memoirs, describes the reasons and process of mythologizing the personality of Lawrence of Arabia in the world cultural consciousness and establishes the role of his book "Seven Pillars of Wisdom" in this process.

Keywords: *Seven pillars of wisdom, Lawrence of Arabia, The Arab revolt, author's image, automyth, military memoirs.*

Cite as: Nikola M. I., Kuzmin I. A. The image of the author in Lawrence of Arabia's memoirs "Seven Pillars of Wisdom". *Nauka i shkola*. 2023, No. 5, pp. 40–46. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-5-40-46.

Автор-повествователь в литературном произведении, в том числе в мемуарах, может изучаться с разных позиций. Это связано с тем, что автор по-разному проявляется в тексте, благодаря различным художественным средствам и приемам. В. В. Виноградов определял образ автора как «индивидуальную словесно-речевую структуру, пронизывающую строй художественного произведения, и определяющую взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов» [1, с. 151]. Как полагал ученый, главный определитель образа автора – это его отношение к теме и к изображаемому, – иными словами, его авторская позиция [2, с. 55].

Автор-мемуарист, как и автор художественного произведения, всегда занимает определенную позицию по отношению к описываемому, но в мемуарах он выражает свое отношение к фактам и событиям очевидным образом. «С точки зрения структуры произведения мемуарист предстает перед читателем в двух ипостасях: объект изображения, один из героев воспоминаний; субъект, предлагающий читателю смотреть на изображаемое его глазами» [3, с. 204]. При этом для рассмотрения образа автора мемуаров важно учитывать следующие факторы: писал ли он свои мемуары, используя дневники и записи, сделанные им во время описываемых событий, или работал по памяти и позднему изучению документов, насколько автор был вовлечен в эти события, подвергался ли его текст сторонней редакции и т. д.

Одним из произведений мемуарного жанра в XX в., содержащим яркий и выразительный образ автора-повествователя, является книга «Семь столпов мудрости» Лоуренса Аравийского, участника Арабского восстания 1916–1918 гг., которое происходило в годы первой мировой войны.

Лоуренс был личностью незаурядной и разноплановой. Автор книги проявил себя в различных сферах: научной, исторической, политической и писательской, что отразилось в тексте. Его образ, созданный на страницах книги, складывается из разных граней личности автора, который выступает и как специалист-востоковед, разведчик, военный стратег, дипломат, и как воин, а при создании текста – и как писатель.

Лоуренс работал над мемуарами об Арабском восстании в 1919–1920 гг. и подготовил первый вариант книги к 1921 г. Затем мемуарист перерабатывал первоначальный текст, учитывая мнения и замечания друзей, среди которых сам выделил в качестве наиболее ценных советов замечания Бернарда Шоу и его жены. Уже заголовочный комплекс книги, поэтическое посвящение, название и краткое предисловие «От автора», отражает, кроме содержательной, эстетическую интенцию автора.

Что касается названия книги, содержащего библейскую аллюзию, то оно обещает читателю многозначность и определенную долю интеллектуализма, отражение мудрости автора в виде философских умозаключений и оценки интеллектуального потенциала народов Ближнего Востока, выраженного в создании трех мировых религий.

Первая глава книги открывается емким описанием истории арабского народа и признанием автора в том, что было главной причиной того, что он включился в процесс борьбы арабов с турецкими завоевателями. Уже здесь автор начинает создавать вполне определенный романтизированный образ себя как участника освободительного движения арабов. Романтизация осуществляется за счет обозначенного Лоуренсом идеала свободы, главной идеи, которая вдохновляла восставших с неудержимой силой и была в том числе символом его веры. Сближение с арабским Востоком, понимание степени тяжести подневольного положения арабов произошло у Лоуренса еще до начала первой мировой войны, когда он в научных целях много путешествовал по арабскому Востоку, изучая замки, построенные крестоносцами, и подготовил на эту тему книгу.

С самого начала мемуаров о восстании автор указывает на жестокость борьбы и те жертвы, которые были принесены на пути служения главной цели: «С течением времени настойчивая потребность бороться за этот идеал [свободу] превращалась в бескомпромиссную одержимость, возобладавшую над всеми нашими сомнениями... И мы отдались не только телом, но и душой неутолимой жажде победы. Мы добровольно отреклись от морали, от личности, наконец, от ответственности, уподобившись сухим листьям, гонимым ветром» [4, гл. 1]. Лоуренс со всей откровенностью признается, что участники восстания не могли в сложившихся обстоятельствах борьбы считаться со средствами, идя к высокой цели победы: «Руки у нас были постоянно в крови, и нам было дано право на это» [4, гл. 1].

Напряженный ритм событий, как признается автор, не оставлял для него ни малейшей возможности делать текущие записи и зарисовки. Ход событий и фронт борьбы требовал от Лоуренса предельной самоотдачи. Заметим, что с самого начала и в большей части текста Лоуренс ведет повествование, используя местоимение «мы», не отделяя себя от арабов: «Мы – это занятая самой собой, словно всеми позабытая армия...» [4, гл. 1].

Как уже упоминалось, в первых разделах книги автор выступает в качестве историка-арабиста. Здесь Лоуренс излагает историю Аравии, обнаруживает глубокую осведомленность не только в фактах жизни семитских народов на территории Ближнего Востока, но и интерпретирует эти факты, то есть излагает свой взгляд на причины того, почему именно такой, а не иной менталитет сложился у арабов-бедуинов. Лоуренс отражает свое представление о своеобразии мышления и эмоциональной природы арабов, их отношении к вере, к материальной стороне жизни, к бытовому и семейному укладу, к жизни и смерти и т. д. Лоуренс уже в этой части книги обнаруживает глубокий склад своего аналитического мышления. И при этом, делясь своими сформировавшимися суждениями, Лоуренс не настаивает на их авторитарности, сознавая субъективность своих представлений. «Эта книга не претендует на бесстрастность. Прошу рассматривать ее как заметки сугубо личного свойства» [4, от авт.], – пишет он во введении своих мемуаров.

Напряженная мыслительная работа Лоуренса получает отражение на многих страницах мемуаров, отражается в выбранной им стратегии борьбы на пути к успеху. Так, Лоуренс понимает с учетом ментальности арабов, что их вождь должен быть одновременно и религиозным лидером. Одним из первых заданий Лоуренса в «деле восстания» было найти и определить среди арабской аристократии человека, по своим личностным и деловым качествам способного вдохновить и возглавить обладающих своеобразным менталитетом бедуинов, и выбор был сделан им в пользу сына шерифа Мекки Хусейна, принца Фейсала, выбор оправданный, как показал ход событий. Заметим, что в мемуарах этот образ талантливо воссоздан автором, проявившим себя в том числе мастером литературного портрета.

Показателен и ход мысли автора, приведший его к эффективности организации партизанской борьбы в тылу врага и проведении подрывных операций на железной дороге. Мы видим, как постепенно Лоуренс приобрел в глазах арабов невиданное доверие и авторитет, признание его своего рода «мозгом» в деле боевого противостояния с врагом.

В процессе изложения событий восстания сам Лоуренс практически не разделяет себя на разные обязанности: одновременно он выступает и офицером британской разведки, и бойцом армии бедуинов, что в жестоких боях изгоняет турецкую армию с собственных территорий, позже указывая на то, что ему приходилось, по сути, проживать две различных жизни. «В моем случае попытка годами жить в арабском обличье, вжиться в образ мыслей арабов стоила мне моего английского “я”», – заявляет Лоуренс [4, гл. 1].

Показательно, что если в ходе войны Лоуренс ассоциировал себя с арабами из практических соображений – чтобы достовернее выдавать себя за «своего», проводя в Аравии британскую политику, то на момент написания мемуаров у него уже не было такой задачи, однако он продолжает это делать, поскольку за годы войны действительно сошелся с арабами, кровно сблизился с ними. Чтобы стать схожим с арабами и внешне, Лоуренс носил арабскую одежду, объясняя это и тем, что в ней гораздо удобнее перемещаться по пустыне на верблюде и что так он вызовет меньше подозрения из-за близости британской военной формы к турецкой. Автор во многих своих поступках и решениях проявляет себя как разведчик, с присущим людям этой профессии исключительным здравым смыслом и адаптивностью.

Дуалистичность положения и сознания Лоуренса осознавалась им самим, и в ходе повествования она выразилась в мотиве двойничества: «Своим английским умом я разделял этот взгляд, но моей арабской ипостаси представлялись одинаково важными как агитация, так и сражение...» [4, гл. 98]. Существование в одной личности двух сущностей, очевидно, стало серьезным испытанием для психики автора. Лишь после победного вхождения в Дамаск, в завершение событий, когда Лоуренс собирается возвращаться на родину, когда он уже устал от войны и разочарован тем, что арабские земли ожидаемо будет контролировать Британия, Лоуренс, выполнив обязанности перед командованием своего государства, достигнув поставленных ему целей и разделив с арабами все испытания, может позволить себе разрешить эту дилемму, заявив, что ему ближе арабы, нежели британская армия: «Арабы были людьми, пристально смотревшими серьезными глазами из совершенно другой сферы. Мой несчастный долг сослал меня к ним на два года. В этот вечер я был ближе к ним, чем к регулярным войскам,

и стыдился этого» [4, гл. 118]. Говоря о стыде, Лоуренс, как представляется, подразумевал именно свою раздвоенность, словно это какое-то уродство, которое не даст ему в будущем права и возможности жить в том месте, которое он до этого считал своей родиной.

Двойственность автора в книге «Семь столпов мудрости» заключается и в том, что Лоуренс был вынужден совмещать свой гуманный нрав с ролью воина, который «добровольно отрекся от морали, личности, ответственности» [4, гл. 1]. Гуманизм Лоуренс Аравийский так или иначе проявляет в тексте неоднократно. Во-первых, гуманизм авторской позиции заключен в выражаемой им эмпатии – во множестве случаев автор с сочувствием говорит о страданиях героев книги, с одобрением высказывается о терпимости сильных и властных шейхов по отношению к подчиненным и провинившимся, в целом придерживаясь общечеловеческих принципов нравственности и морали. Разумеется, война и военная служба налагают ряд жестких ограничений на права и свободы всех участников, и Лоуренс вынужден подчиняться законам войны, проявляя при этом мудрость и милосердие там, где это возможно. Наиболее показателен здесь эпизод, когда Лоуренс с риском для жизни возвращается за отставшим от каравана в пустыне бедуином, чем спасает ему жизнь.

В заключение повествования Лоуренс еще раз объясняет читателю мотивы своего участия в арабском восстании, но уже делает это не с таким пафосом и воодушевлением, как в прологе, а скорее с позиции уже пройденного пути, но все с той же романтической интонацией: «Осталась историческая амбиция, иллюзорная, как и сам мотив. Я мечтал в оксфордской городской школе о том, чтобы успеть при жизни придать нужную форму новой Азии... Мекка должна была привести в Дамаск, Дамаск – в Анатолию и затем в Багдад, а там был рядом и Йемен. Казалось бы, фантазия, но именно они подвигнули меня на вполне реальную, прочувствованную и телом, и духом борьбу» [4, эпилог].

Сегодня в сознании людей образ автора мифологизирован. Отчасти этим он обязан фильму «Лоуренс Аравийский» 1962 г. (реж. Дэвид Лин), ставшему классикой кинематографа благодаря своей масштабности, таланту актеров и выдающейся режиссерской работе [5]. Но важно понимать, что, во-первых, Лоуренс был популярной в культуре фигурой еще до выхода фильма, а во-вторых, сюжет фильма полностью основывается на мемуарах писателя.

Что касается истоков мифа о Лоуренсе, то он начал складываться еще в ходе восстания, и в немалой степени благодаря его врагам. Образ носящего белые арабские одежды англичанина, возглавляющего собственный отряд воинственных бедуинов, имеющих серьезнейшие успехи в партизанской войне, не мог оставить турок равнодушными, и они назначили за его поимку солидную награду. Делало уникальным Лоуренса в глазах окружающих и его положение – он был единственным европейцем среди арабов, который в такой мере пользовался доверием этих, как казалось тогда, загадочных и в то же время диких племен и был настолько близок им, что уже в тот период прослыл у них Лоуренсом Аравийским.

При этом важно, что сам Лоуренс в тексте мемуаров не стремился возвеличить себя, утверждая, что он не претендует на беспристрастность и полностью изложения событий. Авторское создание своего образа как протагониста, а шире – мифа о себе заключается скорее в пафосе самозабвенного служения свободе, в искренности перед читателем, в убедительном проявлении мужества, в способности выполнять несколько ролей одновременно, поскольку

ку этого требовала сложившаяся ситуация, и в отражении гуманистической природы автора. Тем не менее, в общественном сознании Лоуренс предстает прежде всего именно как воин, причем как тот, кто в первую очередь обеспечил успех Арабского восстания, что, конечно же, не соответствует действительности.

Дело в том, что любое историческое событие в сознании общества должно иметь символы в виде связанных с ним лиц, даже если всем очевидны коллективные усилия конечного успеха. Это личностный подход, ставший частью европейского сознания в ходе развития индивидуализма, – без выдающихся фигур невозможна история, хотя нередко они лишь часть, хотя и заметная, особо значимая, общих усилий многочисленных участников событий. Свою роль здесь сыграла как раз таки уникальность двойственного положения Лоуренса между двумя народами, что выделяло его фигуру на фоне всех остальных героев восстания. В итоге образ героя книги «Семь столпов мудрости», как книжный, так и мифологизированный в общественном сознании, – это не только результат представления автора о самом себе, но еще и продукт массового восприятия. И благодаря особенностям этого восприятия Лоуренс Аравийский и выдвинулся в качестве главного исторического лица Арабского восстания – единственный британец, ставший своим среди восточных чужеземцев, носивший их одежды и во всех смыслах говоривший с ними на одном языке.

Таким образом, важнейшими чертами образа Лоуренса Аравийского, представленными в книге «Семь столпов мудрости», являются автобиографичность, многогранность, целостность при внутренней двойственности, убедительная реалистичность в силу художественного дарования автора и в то же время мифологизированность. Двойственность образа заключается в политической принадлежности двум народам и двум жизням с присущими им законами – военной, требующей подчинения тяжелым обстоятельствам, и мирной, в которой возможны гуманизм и следование ценностям морали. Многогранность и целостность образа заключается в реализации Лоуренсом себя в ряде профессиональных сфер, что наиболее полно раскрылось как раз в ходе восстания и в созданных впоследствии мемуарах. Его умения и навыки тесно связаны с событиями биографии писателя, в том числе с его довоенными интересами и увлечениями, что делает его образ биографическим, а яркость фигуры Лоуренса, его амбициозность, гуманизм, героизм и уникальность его положения способствовали мифологизации образа автора книги «Семь столпов мудрости». Причем мифологизации фигуры Лоуренса Аравийского послужил как текст созданных им мемуаров, так и отражение его личности в общественном сознании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов В. В.* О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 240 с.
2. *Купина Н. А.* Лингвистический анализ художественного текста: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1980. 78 с.
3. *Мажарина Ю. Н.* Мемуары как вид публицистического творчества // Вестн. Воронежского гос. ун-та. 2011. № 2. С. 199–206.
4. *Лоуренс Аравийский.* Семь столпов мудрости. URL: http://lib.ru/INPROZ/LOURENS_T/arawia.txt (дата обращения: 10.06.2024).
5. *Caton S. C. C.* Lawrence of Arabia: A Film's Anthropology. University of California Press, 1999. 320 p.

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. *O teorii khudozhestvennoy rechi*. Moscow: Vysshaya shkola, 1971. 240 p.
2. Kupina N. A. *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta: ucheb. posobie*. Moscow: Prosveshchenie, 1980. 78 p.
3. Mazharina Yu. N. Memuary kak vid publitsisticheskogo tvorchestva. *Vestn. Voronezhskogo gos. un-ta*. 2011. No. 2, pp. 199–206.
4. Lawrence of Arabia. Sem stolpov mudrosti. Available at: http://lib.ru/INPROZ/LOURENS_T/arawia.txt (accessed: 10.06.2024). (In Russian)
5. Caton S. C. C. *Lawrence of Arabia: A Film's Anthropology*. University of California Press, 1999. 320 p.

Никола Марина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой всемирной литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: nikola7352@mail.ru

Nikola Marina I., ScD in Philology, Full Professor, Head, World Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

e-mail: nikola7352@mail.ru

Кузьмин Илья Андреевич, аспирант Института филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: iliakuzmin0821@gmail.com

Kuzmin Iliya A., PhD post-graduate student, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

e-mail: iliakuzmin0821@gmail.com

Статья поступила в редакцию 17.06.2024

The article was received on 17.06.2024